

«И В ПАМЯТЬ ЗАПИШИ МОИ ЗАВЕТЫ...»: ШЕКСПИР В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ

Валерий Анатольевич Ефремов¹, Валентина Данииловна Черняк²

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена^{1, 2}
Санкт-Петербург, Россия

¹Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка,
ORCID ID: 0000-0002-0247-706X, тел.: +7 (812) 643-77-67*45-35, e-mail: valef@mail.ru

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка,
ORCID ID: 0000-0001-6214-0437, тел.: +7 (812) 643-77-67*45-35,
e-mail: vdcher@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме лингвистического исследования прецедентных феноменов в культурной памяти языковой личности с помощью социо- и психолингвистических экспериментов. В работе представлены результаты анализа в виде двух экспериментов, каждый из которых состоит из двух частей, с помощью которых анализируется культурная память современника: что именно и в каком виде остается от творчества У. Шекспира в языковом сознании граждан России. Выводы проведенного исследования свидетельствуют о том, что интертекстуальный тезаурус молодого россиянина, с одной стороны, хорошо хранит самые известные (в том числе и благодаря школьной программе) прецедентные феномены, восходящие к произведениям У. Шекспира, а с другой стороны, обнаруживает значительные лакуны, репрезентирующие различия культурной памяти молодого и старшего поколений.

Ключевые слова: культурная память, интертекстуальный тезаурус, прецедентные феномены, Шекспир, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Ефремов В.А., Черняк В.Д. «И в память запиши мои заветы...»: Шекспир в интертекстуальном тезаурусе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 175–181. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_175

Введение

Актуальным для современного гуманитарного знания становится обращение к сложному объекту «человек – сознание – культура – лингвокультура – язык – коммуникация – сообщество» [5, с. 16]. В осмыслении этого единства большое место принадлежит исследованию памяти, предполагающей, в частности, «наличие определенного набора текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, за которыми закреплено определенное содержание <...>, без которых невозможно существование ни одной коммуникативной системы» [6, с. 147]).

В лингвокультурном сообществе издавна принято соизмерять поступки, сравнивать ситуации, оценивать личности, используя прецедентные феномены (ПФ) различных типов (в данной статье мы не будем обращаться к общепризнанным характеристикам ПФ, представленным, например, в работе М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудкова, содержащей большой научный аппарат по названной проблеме [12]).

Безусловным показателем культурной грамотности носителя русского языка является владение некоторым универсальным набором ПФ, связанных с европейской культурой и являющихся частью культурного кода. ПФ из произведений У. Шекспи-

ра, вне всякого сомнения, входят в так называемую «интертекстуальную энциклопедию» – область памяти, «представленную определенным набором текстов, который составляет основу презумпции интертекстуальности» [6, с. 147–148].

Интертекстуальная энциклопедия определяет свободу коммуникативной деятельности в разных ее формах (при восприятии и продуцировании текстов). Хотя она является характеристикой конкретной языковой личности, Ю.Н. Караулов и Ю.Н. Филиппович справедливо пишут о «словесно-символьных единицах», которые «выступают в качестве условных знаков при создании вынесенного за пределы индивидуального опыта образа окружающей человека реальности, т.е. образа мира и фонда памяти» [11, с. 8]. При этом необходимо учитывать изменчивость и образа мира, и фонда памяти. По словам М. Эпштейна, «и Шекспир, и Сервантес, и Пушкин – уже не те: они меняются с каждым новым прочтением и пониманием» [21, с. 394]. Это особенно заметно в условиях бурно развивающейся цифровой эпохи.

Понятие «интертекстуальная энциклопедия» органично связано с понятием «интертекстуальный тезаурус», введенным в научный обиход Н.А. Кузьминой. Интертекстуальный тезаурус – это «совокупность всех элементов, которые говорящий считает "чужими" при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных

при порождении собственных высказываний/ текстов» [14, с. 147–148].

Целью данной статьи является обобщение результатов исследования, направленного на выявление места в культурной памяти молодого россиянина такого универсального элемента интертекстуального тезауруса, какими являются ПФ из произведений У. Шекспира.

Материал и результаты исследования

Для проведенного исследования представляется важным предложенное Н.А. Кузьминой деление прецедентных текстов на сильные и слабые. Шекспировские тексты автор справедливо относит к числу ядерных текстов западной культуры [13, с. 53], а ПФ, восходящие к ним, являются универсально-прецедентными.

О корпусе распространенных прецедентных имен и высказываний, связанных с шекспировскими текстами, можно судить прежде всего по словарям крылатых слов. Число шекспировских ПФ в проанализированных нами словарях (см., например, [2; 3; 7; 8; 20]) варьируется в диапазоне 20–30 единиц. Это прецедентные имена *Гамлет*, *Офелия*, *Король Лир*, *Отелло*, *Фальстаф*, *Монтекки и Капулетти*, *Ромео и Джульетта* и прецедентные высказывания *Башмаков еще не износила; Быть или не быть – вот в чем вопрос; Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам; И ты, Брут? Много шума из ничего; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте; Коня! Полцарства за коня! Укрощение строптивой; Что он Гекубе? Что ему Гекуба; Весь мир – театр; Молилась ли ты на ночь, Дездемона?* и др. Многие из подобных высказываний уже «оторвались» от породивших их текстов и стали речевыми шаблонами. Н.Г. Брагина, оценивая их лингвокультурную роль, отмечает: «Клише является единицей, готовой к употреблению, к встраиванию в различные типы текстов. И, следовательно, обычно используются носителями языка безотчетно и машинально. Полное отсутствие новизны и оригинальности компенсируется экономичностью (интеллектуальные затраты на воспроизводство клише минимальны) и общедоступностью: клише не возбуждает мысль, но рождает быстрое узнавание и понимание, и искусство ведения диалога часто строится на умении правильно отбирать (с учетом ситуации, темы разговора и адресата) и использовать клише. Владение языком предполагает свободное владение клише» [4, с. 359]. Клишированность многих высказываний из шекспировских текстов хорошо иллюстрирует следующий фрагмент, взятый из современной массовой литературы:

– Ни я не был в нее влюблен, ни она в меня... Это была нежность. Ее ко мне – за понимание, моя к ней – из сострадания.

– *«Она его за муку полюбила, а он ее за состраданье к ним»?*

– Примерно так, – кивнул Кис, пытаясь припомнить, откуда цитата. Кажется, Шекспир. Он был мастером точных формулировок... (*Т. Гармаш-Роффе. Расколотый мир*).

Объективным показателем места тех или иных ПФ в тезаурусе носителя языка являются данные ассоциативных экспериментов. В послесловии к «Русскому ассоциативному словарю» Ю.Н. Караулов отмечал, что «прецедентные тексты русской и мировой литературы разнообразных жанров и эпох составляют самую значительную часть в числе

культурного типа реакций, и их сводный перечень по всему словарю мог бы очертить тот литературный фонд, которым владеет средний носитель русского языка в возрасте наших испытуемых» [10, с. 197]. Эти слова характеризуют результаты ассоциативных экспериментов, проведенных более 30 лет назад. Актуальной задачей становится выявление того культурного фонда, которым *сегодня* оперирует современная языковая личность при восприятии и производстве текстов в различных коммуникативных ситуациях.

На кафедре русского языка РГПУ им. А.И. Герцена в 2021–2022 гг. осуществлено социалингвистическое исследование, направленное на изучение места ПФ, восходящих к творчеству Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Высоцкого, Б. Окуджавы и У. Шекспира, а также к классическим произведениям детской литературы, в культурной памяти и языковом сознании молодого россиянина. Описание этой работы и её результатов по отдельным авторам отражено в серии публикаций [9; 18; 19].

В данной статье остановимся на той части исследования, которая связана с определением места «шекспировской прецедентности» в интертекстуальном тезаурусе молодого современника.

Эксперимент I. На 1 этапе реализации проекта выступившие в качестве экспертов 8 докторов и кандидатов филологических наук методом интроспекции выделили в собственном интертекстуальном тезаурусе ПФ, относящиеся к произведениям У. Шекспира.

На 2 этапе исследования на основе максимального совпадения полученных 8 списков был сформирован следующий перечень из 13 ПФ: *Много шума из ничего; Комедия ошибок; Укрощение строптивой; Бедный Йорик; Тень отца Гамлета; Быть или не быть – вот в чем вопрос; Молилась ли ты на ночь, Дездемона? Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте; Весь мир театр; Коня! Полцарства за коня; Подгнило что-то в Датском королевстве; Чума на оба ваши дома.*

На 3 этапе исследования указанные единицы (наряду с ПФ из творчества других авторов) вошли в 3 варианта опросных листов, состоящих из 2 типов заданий: первое – определить авторство прецедентных единиц; второе – продолжить известное высказывание.

Три варианта анкет в электронном формате были предложены почти тысяче респондентов (полностью заполненные анкеты сдали 978 человек) – студентам вузов и учащимся старших классов¹. 1 вариант получили 355 человек (59,4 % – лица от 18 до 20 лет, 20 % – от 21 до 35 лет), 2 вариант – 275 человек (56,4 % – лица от 18 до 20 лет, 20 % – от 21 до 35 лет), 3 вариант – 348 человек (65 % – лица от 18 до 20 лет, 23,6 % – от 21 до 35 лет). Таким образом, подавляющее большинство участников опроса – именно учащаяся молодежь, что определило достаточно надежную экспериментальную базу. Следует отметить и широкий географический охват респондентов (по мере убывания количества

¹ В инструкции обращалось внимание респондентов на исследовательский характер опроса и содержалась просьба не пользоваться при выполнении заданий электронными ресурсами.

участников это населенные пункты: Санкт-Петербург, Архангельск, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Магнитогорск, Москва, Нижний Тагил, Новосибирск, Оренбург, Пермь, Саранск, Сочи, Томск, Челябинск, Череповец и ряд других городов; несколько участников представляли Германию, Канаду, Беларусь, Молдову).

В 1 задании респондентам предлагалось определить авторство ПФ разных типов, эпох и авторов. Узнаваемость ПФ, восходящих к творчеству У. Шекспира, выглядит следующим образом (по степени убывания).

Быть или не быть – вот в чем вопрос: 302 респондента из 355 – 85 %;

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте: 235 респондентов из 275 – 85 %;

Тень отца Гамлета: 276 респондентов из 348 – 79 %;

Молилась ли ты на ночь, Дездемона? 268 респондентов из 355 – 75 %;

Весь мир театр: 234 респондента из 355 – 66 %;

Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам: 169 респондентов из 275 – 61 %;

Бедный Йорик: 212 респондентов из 348 – 60 %;

Укрощение строптивой: 112 респондентов из 275 – 40 %;

Подгнило что-то в Датском королевстве: 123 респондента из 355 – 35 %;

Комедия ошибок: 117 респондентов из 348 – 34 %;

Много шума из ничего: 94 респондента из 348 – 27 %;

Чума на оба ваши дома: 75 респондентов из 275 – 27 %;

Коня! Полцарства за коня: 87 респондентов из 348 – 25 %.

О качестве «усредненного» интертекстуального тезауруса свидетельствует не только и не столько правильная атрибуция ПФ, но и большое количество ошибочно определенного авторства. Показателен, например, фрагмент итоговой таблицы, представляющей ответы респондентов на вопрос об авторстве высказываний (таблица 1; 355 участников).

Таблица 1 – Ответы респондентов на вопрос об авторстве высказываний

Быть или не быть – вот в чем вопрос	У. Шекспир – 302	не помню – 23; В. Высоцкий – 8; Н.А. Некрасов – 4; Г.Х. Андерсен – 3; Ф.М. Достоевский – 3; И. Ильф и Е. Петров – 3; А. Барто – 2; Дж. Роулинг – 2; К. Чуковский – 2; Р. Киплинг – 1; С. Маршак – 1; Ш. Перро – 1
Молилась ли ты на ночь, Дездемона?	У. Шекспир – 268	не помню – 50; Ф.М. Достоевский – 8; Ш. Перро – 7; Г.Х. Андерсен – 4; В. Высоцкий – 4; Р. Киплинг – 3; Б. Окуджава – 3; Дж. Роулинг – 3; И. Ильф и Е. Петров – 2; С. Маршак – 1; Н.А. Некрасов – 1; К. Чуковский – 1
Весь мир театр	У. Шекспир – 234	не помню – 77; В. Высоцкий – 13; А. Барто – 5; Р. Киплинг – 4; Б. Окуджава – 4; Ш. Перро – 4; К. Чуковский – 4; Г.Х. Андерсен – 4; Ф.М. Достоевский – 3; И. Ильф и Е. Петров – 2; С. Маршак – 1; Н.А. Некрасов – 1
Подгнило что-то в Датском королевстве	У. Шекспир – 123	не помню – 154; Г.Х. Андерсен – 28; И. Ильф и Е. Петров – 14; В. Высоцкий – 7; Р. Киплинг – 6; С. Маршак – 6; Б. Окуджава – 6; Ш. Перро – 6; А. Барто – 2; Н.А. Некрасов – 2; Дж. Роулинг – 1

Перечень авторов, с именами которых респонденты ошибочно соотносят представленные в анкетах ПФ, не только свидетельствует о поразительной «культурной глухоте» (и связанной с ней «языковой глухоте») [16, с. 215], об «историко-культурной амнезии» [15, с. 27], но и вскрывает недуги современного школьного образования: некоторые респонденты, ориентируясь на традиционные школьные задания тестового характера, привыкли осуществлять выбор исключительно из предложенных вариантов, роль которых сыграл контекст других прецедентных феноменов, включенных в задание по атрибуции (они принадлежали Достоевскому, Некрасову, Ильфу и Петрову, Высоцкому, Окуджава или одному из детских писателей и поэтов).

Во 2 задании респондентам предлагалось продолжить высказывания. Из творчества У. Шекспира были взяты 6 ПФ. Полученные ответы позволяют судить о степени закрепленности ПФ в тезаурусе языковой личности или о его отсутствии, о сформированности ассоциативных связей или об их отсутствии.

В результате были получены следующие ответы (с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации):

Быть или не быть ... – вот в чем вопрос – 337; (нет ответа) – 3; вот в чем вопрос, достойно ли сломиться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление; вот в чем вопрос. Достойно ль... – 2;

вот в чем вопрос, что благороднее... ; вот в чём вопрос. Достойно ли смиряться перед ударами судьбы, или стоит оказать сопротивление? Не быть; таков вопрос –1 (всего 348 ответов; 99 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме).

Нет повести печальнее ... – на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте –168; чем повесть о Ромео и Джульетте – 96; на свете – 54; (нет ответа) – 14 ; на свете, чем повесть о... – 2; и грустней, чем повесть; на свете, чем о Ромео и Джульетте; на свете, чем повесть о лисе и колбковой её диете; на свете, чем повесть о Монтекки с Капулетти; чем; чем брак, в котором всё общее; чем жизнь; чем о Ромео и Джульетте; чем песня о Ромео и Джульетте; чем повесть о; чем повесть о Ромео; чем повесть о Руслане и Людмиле; чем эта; этой – 1 (всего 348 ответов; 64 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме; 29 % – узнаваемость ПФ).

Молилась ли ты ..? – на ночь, Дездемона? – 164; (нет ответа) – 67; Дездемона – 21; богу –4; на ночь – 7; ночью – 2; Дездемона; на меня; на начь дездемона; на ночь Дездемону; на ночь дочь моя; на ночь, Даздымона; ночь, Дездемона; ночью Дездемона; обо мне 1 (всего 275 ответов; 63 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме; 10 % – узнаваемость ПФ).

Весь мир ... – театр – 79; (нет ответа) – 75; театр, а люди в нем актеры – 59; у твоих ног – 10; театр, а мы в нем актеры – 8; театр, и люди в нем актеры

– 7; игра – 6; тлен – 3; к твоим ногам; как на ладони; подождет; прекрасен; театр, в нём женщины, мужчины – все актёры; это театр – 2; – театр, а люди в нём – актёры; – театр, в нём женщины, мужчины – все актёры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль; в кармане; в наших руках; в огне; для нас; для нас текст; игра, а люди в ней – актёры; игра, а мы в ней пешки; игра – играй красиво; исколесить; мой дом; театр и люди в нем, у них свои есть выходы, уходы и каждый не одну играет роль; театр, а мы в нем зрители; у ваших ног; у моих ног – 1 (всего 275 ответов; 56 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме; 3 % – узнаваемость ПФ).

Чума на оба... – (нет ответа) – 180; ваши дома – 72; ваших дома – 37; глаза – 33; дома – 14; лба – 3; ваши глаза; города – 2; ваши дома – я из-за вас стал кормом для червей; ваши дома! (У. Шекспир); ваших рода; глаза?; их дома; нет народ; оба; уха; чела; чуба; чума на оба ваши дома!; чума на оба ваших дома – 1 (всего 355 ответов; 36 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме).

Тень отца ... – (нет ответа) – 230; Гамлета – 108; свет матери – 3; Гамлет – 2; будет преследовать тебя всю жизнь; Гамлета (У. Шекспир); Гамлета; дочери; как два яйца; летит за ним попятам; моего; родного; своего; сын; твоего; У. Шекспир – 1 (всего 355 ответов; 31 % присутствия ПФ в тезаурусе в адекватной форме).

Представленные результаты свидетельствуют, что универсально-прецедентные феномены, связанные с шекспировскими текстами, занимают достаточно прочное место в тезаурусе современного молодого носителя русского языка, легко распознаются многими, хотя возможность их использования в коммуникативных практиках требует специального исследования. В то же время в среднем более половины респондентов плохо идентифицируют распротраненные ПФ.

Легко предсказуем и весьма показателен тот факт, что «Гамлет», как обязательное для школьной программы произведение, лучше хранится в культурной памяти молодого современника, нежели другие тексты Шекспира, даже многократно экранизированные (визуальная и кинематографическая составляющая культурной памяти – отдельный предмет самостоятельного исследования).

Как известно, в практику российского школьного преподавания произведения У. Шекспира были включены уже в середине XIX в. и с тех пор в той или иной степени в качестве обязательного или факультативного чтения сохраняются до сих пор [1, с. 155–157]. Наше исследование подтвердило важное свойство прецедентных текстов: многие из них, как и связанные с ними ПФ различных типов, закрепляются в тезаурусе языковой личности в процессе школьного обучения.

По результатам обеих частей исследования, самым узнаваемым ПФ, восходящим к творчеству У. Шекспира, для молодых россиян является прецедентное высказывание «*Быть или не быть – вот в чем вопрос*»: 85 % участников правильно назвали автора цитаты, а 99 % – правильно ее закончили. Заметим, что именно монолог Гамлета, содержащий эти слова, включен даже в те школьные программы, которые предполагают не полное изучение текста трагедии, а лишь ознакомительное чтение фрагментов произведения. ПФ из внепрограммных произведений У. Шекспира узнаваемы гораздо ху-

же: так, правильно определили авторство цитаты из «Ричарда III» «*Коня! Полцарства за коня*» лишь 25 % опрошенных.

Интересно отметить высокую степень узнаваемости (66 %) ПФ *Весь мир – театр* из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится». Вероятно, знание цитаты связано с частотным ее использованием в разных типах современного дискурса – от обиходного и рекламного до художественного и публицистического.

Следует подчеркнуть особую актуальность прецедентных имен в интертекстуальном тезаурусе (неслучайно, например, что первая по частотности реакция на стимул *король* в «Русском ассоциативном словаре» – *Лир*). Именно прецедентные имена поддерживают и устойчивость ассоциативных связей.

Эксперимент II. В рамках определения места в интертекстуальном тезаурусе универсальных ПФ, связанных с творчеством У. Шекспира, выпускница бакалавриата филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена А. Матузина под нашим руководством провела еще одно экспериментальное исследование. Его участниками стали 105 человек (подавляющее большинство – в возрасте от 18 до 24 лет), студенты бакалавриата и магистратуры различных вузов г. Санкт-Петербурга. Примерно одна треть респондентов – учащиеся филологического факультета. В проведенном ассоциативном эксперименте в качестве стимулов выступили прецедентные имена *Гамлет, Калибан, Лир, Леди Макбет, Монтекки и Капулетти, Отелло, Ромео и Джульетта, Фальстаф, Яго*, представленные в словарях крылатых слов.

Рассмотрим некоторые ассоциативные поля, полученные в результате анализа анкет.

Стимул *Гамлет* прежде всего связывается с именем автора (самая частотная реакция – *Шекспир*). Абсолютно предсказуемы реакции *быть или не быть; быть или не быть, вот в чем вопрос, принц, принц датский; Датский принц*. Типичны следующие ассоциативные связи: *череп, череп Йорика, бедный Йорик, Йорик; могильщики; тень отца Гамлета, призрак, месть, смерть*. Реакции *Офелия, Отелло, Ромео* свидетельствуют о своеобразном «шекспировском» фрагменте в тезаурусе и ассоциативно-вербальной сети языковой личности, к нему же примыкают реакции *пьеса, театральная постановка по Шекспиру, театральная постановка, сцена, спектакль, театр, Смоктуновский*. Представляют интерес реакции *Тургенев и Пастернак*, свидетельствующие о филологической подготовке части респондентов (статья «Гамлет и Дон Кихот» И.С. Тургенева и стихотворение «Гамлет» Б.Л. Пастернака).

Ассоциации, полученные на стимул *Отелло*, демонстрируют неразрывную связь в интертекстуальном тезаурусе имен *Отелло и Дездемона*. Обнаруживаются и достаточно устойчивые ассоциативные связи в реакциях *трагедия, смерть, любовь, страсть, мавр, ревнивый мавр, венецианский мавр, ревнивец удушение, убийство, задушил Дездемону, душитель, задушить*. Закономерна устойчивая связь с прецедентным высказыванием, проявившаяся в реакции *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*

Представляют интерес реакции на стимул *Яго*. Наряду с ассоциатами, отражающими реальное знакомство с трагедией У. Шекспира (*предатель,*

лжец, коварство, клеветник, смутьян, мерзкий, злодей), появляются реакции *попугай, попугай из Алладина, попугай из мультиков про Алладина (Дисней), мультик про Алладина, попугай из мультика*, свидетельствующие о значительном месте мультфильмов в трансляции культурного опыта и о большом количестве прецедентных имен, которые в тезаурусе молодежи определяются именно мультфильмами [17, с. 196]. Примечательно, что многие дифференциальные признаки, приписываемые имени-стимулу *Яго*, могут относиться как к герою шекспировской трагедии, так и к персонажу мультфильма «Алладин»: в обоих случаях они предстают коварными злодеями.

Предложенное в качестве стимула прецедентное имя *Фальстаф* для значительной части испытуемых оказалось неизвестным, о чем свидетельствуют 59 отказов (более 50 %), а также реакции *фальстарт, фальшстарт, фальшь, вульфстар, ложный старт*. При этом единичные реакции *толстый пьяница, толстячок, толстяк, нелепость, пьяница, пьяный, слуга, малодушие, обманщик* указывают на адекватное представление о шекспировском персонаже. Об изменениях в интертекстуальном тезаурусе молодого современника свидетельствуют реакции: *Я много лет не выпускал стафф, ждал, пока он станет жирным, как Фальстаф; (Оксимирон), трек Оксимирона*.

Вторая часть проведенного эксперимента была направлена на выявление мест прецедентных высказываний в интертекстуальном тезаурусе. В предложенной участникам эксперимента анкете были приведены начальные слова крылатых выражений из произведений У. Шекспира, которые требовалось продолжить: *бедный...; башмаков еще...; быть или...; весь мир...; есть многое на свете...; много шума...; молилась ли ты...; нет повести печальнее...; она меня за муки...; полцарства за...; распалась связь...; прогнило что-то в...; укрощение...; что он Гекубе...; чума на оба... Как показали полученные результаты, наиболее прочно закреплены в интертекстуальном тезаурусе ПФ *Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте; Молилась ли ты на ночь, Дездемона? Распалась связь времен; Весь мир – театр; Много шума из ничего*.*

Интересны результаты продолжения высказывания *Укрощение..* Частотными оказались продолжения: *строптивой (39) и строптивного (29)*. Источник высказывания *Укрощение строптивой* – пьеса У. Шекспира (либо фильм, снятый по мотивам этой пьесы), а источник высказывания *Укрощение строптивного* – одноименный итальянский фильм с А. Челентано. Таким образом, можно наблюдать

сдвиг в восприятии и идентификации ПФ, хотя возможности его использования в коммуникативных практиках при этом принципиально не меняются.

Наиболее сложными для продолжения оказались прецедентные высказывания *Полцарства за коня; Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним; Башмаков еще не износила; Прогнило что-то в Датском государстве; Чума на оба ваших дома*. Широкая вариативность предлагаемых респондентами продолжений свидетельствует об отсутствии этих единиц в интертекстуальной энциклопедии испытуемых.

Таким образом, результаты обоих двухчастных экспериментов в значительной степени согласуются.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что самые распространенные ПФ, восходящие к творчеству У. Шекспира, в большинстве случаев в сознании респондентов соотносятся с именем автора и вполне узнаваемы. Хотя проверяемые в эксперименте единицы являются универсально-прецедентными, их можно отнести к числу неперменных составляющих национального культурного кода. Следует подчеркнуть, что закрепленность многих ПФ, связанных с творчеством У. Шекспира, в немалой степени объясняется и блистательными переводами его произведений, обработанными органично входящие текстов и их фрагментов в интертекстуальный тезаурус носителя русского языка.

Важно отметить, что во многих случаях рассмотренные ПФ воспринимаются как общепринятые клише, используемые для характеристики людей и ситуаций.

В то же время эксперименты показали и наличие множества культурных лакун в тезаурусе значительного числа испытуемых, что не может не повлиять на успешность коммуникации. Актуальной исследовательской задачей остается анализ реальных коммуникативных потенциалов шекспировской прецедентики в современных дискурсивных практиках.

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Антипова А.М. Изучение произведений У. Шекспира в отечественной школе: традиции и современные подходы // Наука и школа. 2014. № 6. С. 149–160.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М. : Гранд: Фаир-пресс, 1999. 332 с.
3. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулержкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск : МГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slavistik, 2008–2009. Т. 1–2.
4. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур, 2007. 520 с.
5. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: неопсихоллингвистика и психоллингвокультурология // Структуры и функции: исследования по русистике. 2016. Том II, вып. 2. С. 7–25.
6. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М. : Азбуковник, 2003. 298 с.
7. Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. М. : Эксмо, 2011. 1215 с.
8. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь. М. : НТ Пресс, 2008. 797 с.

9. Ефремов В., Черняк В., Чернева Н. Культурная память и прецедентные феномены // Чуждоезиково обучение Научно списание [Foreign Language Teaching. Bulgarian Educational Journal]. Vol. 49, № 1. София, 2022. С. 67–77. DOI 10.53656/for22.16kult.
10. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н. и др. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М. : Наука, 1994. С. 191–218.
11. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М. : Азбуковник, 2009. 336 с.
12. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис, 2018. 189 с.
13. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск : ОмГУ, 2009. 228 с.
14. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры. 2-е изд. М. : URSS ЛИБРОКОМ, 2011. 271 с.
15. Рубинштейн Л. Духи времени. М. : КоЛибри, 2008. 268 с.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
17. Черняк В.Д., Ли Х. Прецедентные феномены: между книгой и мультфильмом // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 223–229.
18. Черняк В.Д., Черняк М.А. «В каком году – рассчитывай, в какой земле – угадывай...»: Некрасов в восприятии читателя XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 88–96. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-3-88-96
19. Черняк В.Д., Черняк М.А. Возьмемся за руки, друзья: Булат Окуджава в интертекстуальном театре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 6 (218). С. 7–16. DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-7-16
20. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В.В. Серов. М. : Локид-пресс, 2004. 271 с.
21. Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.

References

1. Antipova, A.M. (2014) *Izuchenie proizvedenii U. Shekspira v otechestvennoi shkole: traditsii i sovremennye podkhody* [Studying Shakespeare's works in the Russian school: traditions and modern approaches]. *Nauka i shkola*. (6), 149–160. (In Russian)
2. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1999) *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya* [Winged words: Literary quotations, figurative expressions]. Moscow, Grand: Fair-press. 332 p. (In Russian)
3. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2008–2009) *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka* [Large dictionary of the Russian winged words and expressions]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University; Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slavistik. Vol. 1–2. (In Russian)
4. Bragina, N.G. (2007) *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ. 520 p. (In Russian)
5. Bubnova, I.A. & Krasnykh, V.V. (2016) *Chelovek govoryashchii kak ob'ekt i predmet sovremennykh integrativnykh issledovaniy: neopsikholingvistika i psikholingvokul'turologiya* [The speaking person as an object and subject of modern integrative research: neopsycholinguistics and psycholinguoculturology]. *Struktury i funktsii: issledovaniya po rusistike*. 2 (2), 7–25. (In Russian)
6. Denisova, G.V. (2003) *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow, Azbukovnik publ. 336 p. (In Russian)
7. Dushenko, K.V. (2011) *Bol'shoi slovar' tsitat i krylatykh vyrazhenii* [The large dictionary of quotes and popular expressions.]. Moscow, Eksmo publ. 1215 p. (In Russian)
8. Dyadechko, L.P. (2008) *Krylatye slova nashogo vremeni: tolkovyi slovar'* [Winged words of our time: dictionary]. Moscow, NT Press. 797 p. (In Russian)
9. Efremov, V., Chernyak, V. & Cherneva, N. *Kul'turnaya pamyat' i pretsedentnye fenomeny* [Cultural memory and precedent phenomena]. *Foreign Language Teaching. Bulgarian Educational Journal*. 4 (1). 67–77. Available from: doi:10.53656/for22.16kult. (In Russian)
10. Karaulov, Yu.N. (1994) *Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoi sposobnosti* [Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for the Analysis of Language Ability]. In: *Russkii assotsiativnyi slovar'*. Vol. 1. Moscow, Nauka publ., pp. 191–218. (In Russian)
11. Karaulov, Yu.N. & Filippovich, Yu.N. (2009) *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi yazykovoi lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and functioning]. Moscow, Azbukovnik publ. 336 p. (In Russian)
12. Kovshova, M.L. & Gudkov, D.B. (2018) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguocultural terms]. Moscow, Gnozis publ. 189 p. (In Russian)
13. Kuzmina, N.A. (2009) *Intertekst: tema s variatsiyami: fenomeny yazyka i kul'tury* [Intertext: Theme with Variations: Phenomena of Language and Culture]. Omsk, OmGU publ. 228 p. (In Russian)
14. Kuzmina, N.A. (2011) *Intertekst: tema s variatsiyami: fenomeny yazyka i kul'tury* [Intertext: Theme with Variations: Phenomena of Language and Culture]. 2nd ed. Moscow, URSS LIBROKOM publ. 271 p. (In Russian)
15. Rubinstein, L. (2008) *Dukhi vremeni* [Spirits of time]. Moscow, CoLibri publ. 268 p. (In Russian)

16. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ. 288 p. (In Russian)
17. Chernyak, V.D. & Li, Kh. (2020) Precedentnyye fenomeny: mezhdru knigoi i mul'tfil'mom [Precedent phenomena: between book and animal cartoon]. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*. (196), 223–229. (In Russian)
18. Chernyak, V.D. & Chernyak, M.A. (2022) «V kakom godu – rasschityvai, v kakoi zemle – ugadyvai...»: Nekrasov v vospriyatii chitatel'ya XXI veka [“When it was – figure out, where it was – guess...” Nekrasov in the perception of the reader of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (221), 88–96. Available from:doi:10.23951/1609-624X-2022-3-88-96 (In Russian)
19. Chernyak, V.D. & Chernyak, M.A. (2019) «Voz'mem'sya za ruki, druz'ya»: Bulat Okudzhava v intertekstual'nom tezauruse [Let's join our hands, my dear friends: Bulat Okudzhava in the intertextual thesaurus of the young]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (218), 7–16. Available from:doi:10.23951/1609-624X-2021-6-7-16 (In Russian)
20. Serov, V.V. (ed.) (2004) *Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii* [Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-press publ. 271 p. (In Russian)
21. Epshtein, M. (2022) *Pervoponyatiya: Klyuchi k kul'turnomu kodu* [First concepts: Keys to the cultural code]. Moscow, CoLibri, Azbuka-Attikus publ. 720 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 15.08.2022

Подписана в печать 27.09.2022

Original article

UDC 811.16/.9'42

DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_175

“AND THESE FEW PRECEPTS IN THY MEMORY...”:
SHAKESPEARE IN THE INTERTEXTUAL THESAURUS

Valerii A. Efremov¹, Valentina D. Chernyak²

*The Herzen State Pedagogical University of Russia^{1, 2}
Saint Petersburg, Russia*

¹Dr. Philol. Sci., Head of the Department of the Russian Language,
ORCID ID: 0000-0002-0247-706X, tel.: +7 (812) 643-77-67*45-35, e-mail: valef@mail.ru

²Dr. Philol. Sci., Professor of the Department of the Russian Language,
ORCID ID: 0000-0001-6214-0437, tel.: +7 (812) 643-77-67*45-35,
e-mail: vdcher@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of linguistic research of the cultural memory with socio- and psycholinguistic experiments aimed at studying degree of preservation of precedent phenomena. The paper presents the results of the study in the form of two experiments, consisting of two parts, with the help of which the cultural memory of students is analyzed, what exactly and in what form remains from the Shakespeare's works in the Russian linguistic consciousness. The findings of the study indicate that the intertextual thesaurus of a young Russian, on the one hand, well preserves the most famous (including thanks to the school curriculum) precedent phenomena dating back to the works of Shakespeare, and on the other hand, reveals significant gaps in cultural memory of young and old generations.

Key words: cultural memory, intertextual thesaurus, precedent phenomena, Shakespeare, associative experiment.

Cite as: Efremov, V.A., Chernyak, V.D. (2022) “And these few precepts in thy memory...”: Shakespeare in the intertextual thesaurus. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 175–181. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_175

Received 15.08.2022

Accepted 27.09.2022